

Она больше не играла, не водила хороводов, не смеялась с подругами. Ее видели неизменно задумчивой и молчаливой. Часто и подолгу она бывала в церкви. Она старалась помочь всякому, чем могла: ходила за ранеными и больными, заботилась о немущих. Девчонки и знакомые парни иногда подтрунивали над ней, а еще чаще удивлялись. Но никто не имел понятия о том, что творилось в ее душе.

А душа Жанны горела неугасимым огнем.

Ее сердце кровоточило.

Ей было безумно жаль всех: и родителей, и односельчан, и соотечественников из дальних провинций, и одинокого дофина.

И всего больше жалела она милую измученную Францию.

Широко раскрытыми глазами смотрела девочка на жизнь, такую страшную и такую желанную. Она чувствовала неизъяснимую потребность сделать что-то большое, важное для блага всех. А было ей тогда от роду тринадцать лет...

Жанне казалось, что она слышит голоса, призывавшие к подвигу. Ей представлялись образы, неясные, но дорогие сердцу. Она хорошо знала эти образы и голоса. Они принадлежали тем, на кого ей всегда велели уповать, кого она видела на изображениях, о ком слышала в рассказах и молитвах.

Это был прежде всего прекрасный рыцарь, попиравший дракона, — святой Михаил; с ним вместе являлись святые Екатерина и Маргарита, покровительницы несчастных и угнетенных. Все они говорили от имени бога...

Да, Жанна была не такой, как другие. Она глубже чувствовала и больше стремилась отдать. И ее ли вина была в том, что она росла темной и суеверной, как все средневековые люди, что ее высокие стремления и порывы облекались в религиозные одежды? В те времена, когда церковь безраздельно господствовала над человеком, иначе быть не могло.

Но голоса, которые слышала девушка, действи-